

Но в начале XX века Нилус от жанровых картин переходит к лирическим пейзажам, а затем — к романтическим ретроспекциям: дамы в робронах, в чепцах и капорах, галантные кавалеры, прогулки на закате или при лунном свете, концерт на берегу моря. Эти обращенные к прошлому стилизованные поэтические картины и акварели пользовались большим успехом во Франции. Однако в 1920-х и 1930-х годах Нилус снова вернулся в лоно реализма к непосредственным, полным свежести пейзажам Парижа, живо передающим атмосферу города в те часы, когда он овеян несколько меланхолическим настроением тишины и покоя, созвучным настроению самого художника. В те же годы он создает немало живописных, тонко разработанных в цвете натюрмортов.

Сохранившиеся у В. Л. Голубовской записи Нилуса в тетради с авторской пометкой на седьмой странице «Сегодня, 12 декабря 1931 года» помогают понять творческий метод мастера в поздний период его жизни: «...Нужно писать картину так, как пишется эскиз, — замечает Нилус. — Долгое медленное прощупывание форм и линий сковывают формы и линии; лучше уклон к недоконченности, которая всегда живее. Конечно, так может рассуждать опытный мастер, владеющий формой (начинать нужно с точного копирования, долгого и упорного, только после такой работы можно отважиться до изображения смелого, решительного и быстрого)».

Вместе с тем П. А. Нилус не ограничивался лишь изобразительным искусством. На одной из его визитных карточек значится «художник-писатель». Еще в 1906 году он опубликовал свои первые рассказы. Один, под названием «Соловьи (Идиллия)» — в одесском литературно-художественном сборнике и другой — «Утро» в девятом номере московского журнала «Новое слово». Этот рассказ он посвятил И. А. Бунину, который искренне любил художника. Писатель высоко ценил не только личные, чисто человеческие качества Нилуса — доброту, благородство, жизнелюбие, но и его разностороннюю одаренность. Он горячо одобрял литературные выступления художника и был на этом пути его заботливым и доброжелательным критиком, советчиком и редактором.

С интересом относился к литературной деятельности Нилуса и А. И. Куприн.

Валентина Лазаревна Голубовская рассказывает: «За границей Петр Александрович продолжал свою литературную деятельность. Днем он работал как художник, а по вечерам — писал. Он писал повести и рассказы, некоторые из них были напечатаны, написал две пьесы и



*А. И. Куприн, 1910-е годы. Фото К. Буллы. Ленинградский государственный архив кинофонофото документов.*

два романа, киносценарии. Наша семья дружила с семьей Бунина. И с Куприным Петр Александрович тоже дружил еще в России. Их товарищеские отношения также продолжались за границей».

Приехав в Париж, Нилус поселился в доме, где жили Бунин и Куприн, на Пасси — в отдаленном от центра районе, расположенном близ Булонского леса.

К. А. Куприна в своей книге «Куприн — мой отец», пишет: «Художник Нилус, известный не только своими картинами, дружбой с Репиным, но и талантливыми очерками, в то время очень часто приходил к нам в гости. Лицо у него было широкое, калмыцкое, всегда немного загорелое, как у капитана дальнего плавания. Он молчаливо сидел, попыхивая трубкой, и за всем следил своими зоркими глазами»<sup>3</sup>.

Среди бумаг, находящихся у В. Л. Голубовской, имеются три письма Куприна, написанных Нилусу в начале 1920-х годов, когда художник жил еще в Австрии. Валентина Лазаревна любезно предложила мне взять с собой их фотокопии. Эти неопубликованные материалы проливают свет не только на некоторые моменты жизни П. А. Нилуса, но интересны прежде всего как образцы эпистолярного наследия А. И. Куприна. Они вместе с тем — живые свидетели настроений и мыслей большого писателя, томившегося за границей и часто сетовавшего на свою жизненную неустроенность. Письма могут внести новые штрихи в его биографию.